

зываемую, очевидно, сочувствіемъ къ ихъ идеальнымъ стремленіямъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, объяснить идеями второй четверти столѣтія то высокое понятіе о достоинствѣ литературы, какое одушевляло Пушкина, то упорное желаніе служить обществу путемъ историческаго сознанія, путемъ воспитанія возвышенными идеалами искусства, когда вторая четверть столѣтія съ презрѣніемъ отвергала всякую частную инициативу, какъ смѣшное и недозволительное притязаніе, и допускала только чисто служебную роль литературы подъ канцелярскимъ штемпелемъ?

Переходимъ къ рѣчи г. Ключевского, прочитанной съ сокращеніями въ московскомъ Обществѣ любителей россійской словесности и въ полномъ составѣ напечатанной въ журналѣ „Русская Мысль“. Г. Ключевскій взялъ любопытную тему: „Онѣгинъ и его предки“. Вопросъ естественно представлялся ему какъ историку: чтѣ такое Онѣгинъ, съ которымъ такъ долго носился самъ Пушкинъ, котораго такъ долго толковала критика со времени его перваго появленія и донинѣ; чтѣ такое этотъ Онѣгинъ въ дѣйствительной исторіи русскаго общества? Если Онѣгинъ — типъ, какъ понималъ его самъ Пушкинъ и какъ вообще разумѣла его современная и послѣдующая критика, то въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно любопытно прослѣдить его генеалогію: откуда онъ взялся, какова была среда, его воспитавшая? Въ отвѣтъ г. Ключевскій, съ его извѣстной манерой метафорическаго образнаго разсказа, нарисовалъ намъ цѣлую историческую родословную пушкинскаго героя, которая заслуживаетъ вниманія. Авторъ начинаетъ съ того, какъ нѣкогда онъ, еще на школьной скамьѣ, впервые знакомился съ „Онѣгинымъ“, когда поэма Пушкина овладѣвала имъ и его сверстниками своей чисто поэтической силой, не давая пока мѣста никакой критикѣ, никакому комментарию. Но затѣмъ, послѣ „Онѣгина“ пришла очередь сознательныхъ вопросовъ, прочитаны были „Дворянское гнѣздо“ и „Обломовъ“. Эти произведенія показались г. Ключевскому и его сверстникамъ похоронными пѣснями: „въ одной отпѣвался извѣстный житейскій порядокъ, въ другой — общественный типъ“. Возникалъ вопросъ, почему герои Тургенева не уживались въ окружающей средѣ; чувствовалось, что это — лица отживающія, и затѣмъ казалось почему-то, что къ тому же порядку явленій принадлежитъ и герой пушкинскій. Романъ Пушкина началъ представляться въ другомъ свѣтѣ. „Мы разбирали не романъ, — говоритъ авторъ, — а только его героя, и съ удивленіемъ замѣтили, что это